Заря Востока
г. Тбилиси, 6 ИЮН 1952

Весна пианистки

На концерте Элисо Вирсаладзе

ЕСЛИ бы я мог в двух словах определить исполнительскую индивидуальность Элисо Вирсаладзе, то, наверное, назвал бы ее одухотворенной юностью. Один из музыкантов сказал: «Сила Э. Вирсаладзе — сила природы».

Есть в ее игре моменты, когда я вспоминаю об утреннем свежем воздухе Грузии, наполненном пьянящим ароматом цветов, нежно вибрирующим при «говоре» природы. Вспоминаю об озаренном лучами сверкающего солнца пейзаже, о его волшебных красках, смягченных нежными переходами, о таинственном шелесте и меланхоличной прелести погрузившихся в мрак лесов, о чистоте ручьев и звонких голосах водопадов, о гармонии цветовых гамм и красоте их слияния. Я думаю о весне пробуждающейся природы и весне молодой пианистки, наполненной сиянием большого искусства. Я думаю о весне, которую она сделала столь радостной для наших любителей музыки.

Неудивительно, что ее так горячо приветствовали переполнившие зал филармонии слушатели, что вся сцена словно превратилась в красочный сад: так много на ней было цветов и так прекрасен был самый чудесный из них — стройная девушка с большими лучистыми глазами.

Если можно было бы провести аналогию между пианисткой и каким-либо из исполненных ею произведений, то я бы выбрал сонату Моцарта, в которой, как мне кажется, пианистка подчеркнула черты, столь близкие ей: грацию и просветленную грусть, мимозную нежность и веселый задор, обаятельное, изящное начало и возвышенность переживания.

Обладая богатым поэтическим воображением, Э. Вирсаладзе с легкостью освобождает музыку от оков исполнительской традиции. Если и есть моменты, когда пианистка не в силах убедить нас (что ж, бывают разные индивидуальности и среди слушателей), то нет такого мгновения, когда б она нас не увлекла.

Мне кажется, Э. Вирсаладзе всегда будут близки образы романтической музыки, там ее непосредственность и возвышенная поэтичность в родной стихии. Когда в недалеком прошлом она играла «Фантазию» Шумана, пусть не до конца прочитанную и прочувствованную, я ощутил, что она слышит тот тихий и проникновенный тон, который, по словам поэта, прорывается сквозь шумы земные и придает этим любовным грезам, отчаянию и порыву, восторгу и смирению неповторимое своеобразие исповеди.

С большой экспрессией были сыграны вечно изменчивые арабески восьмой «Новеллетты» Шумана. Подчеркивая внутреннюю контрастность поэтических мгновений, пианистка достигла большого единства настроений, пронизав всю пьесу мятежной страстностью. Бурным порывом была наполнена первая часть, словно набегающая из угрожающего мрака. Драматической насыщенности достигла пианистка и во втором разделе, противопоставив образу фантастической скачки тревожно-скорбный речитатив. Пленила и медленная часть «Новеллетты» — озеро чистой лирики, бледно освещенное мерцающим светом. А какой утонченности чувства, импрессионистической красочности достигла пианистка в «Вещей птице», пронизав ее мечтательным настроением.

Романтическое начало привносит пианистка и в произведения, которые нельзя безоговорочно отнести к этому направлению. Исполнение второй сонаты Прокофьева поэтому порой казалось спорным, хотя она и прозвучала очень интересно и свежо. Калейдоскоп музыкальных образов сонаты, от возвышенных грез до шутовской эксцентриады, от изящного танца до жесткой токкатности, капризная последовательность их чередования, неожиданные и резкие, порой парадоксальные сопоставления — все это легло в классически стройную, ясную и логичную конструкцию.

Невозможно было противостоять той пылкости, с которой был сыгран финал сонаты. Все здесь пленило воображение: и полетность темы вступления, и резкий акцентированный ритм в буффонных образах, красочность карнавальной суматохи и очаровательное возвращение лирической мелодии. Вообще, прекрасно ощущая мелодическое начало, заставляя любую из линий «говорить», петь, Э. Вирсаладзе поражает и предельно обостренным чувством ритма. Финал сонаты поразил ослепительным фейерверком ритмов, динамичных и затейливо изменчивых.

Когда стремятся подчеркнуть музыкальность артиста, спешат заверить, что техника у него не доминирует. Элисо Вирсаладзе полностью доверяется выразительной силе виртуозного начала. Прослушайте в ее исполнении испанскую рапсодию Листа, и она непременно покорит вас ликующей праздничностью красок, блистательной техникой пианистки.

И, быть может, в этой увлеченности виртуозным началом также проявляется романтичность молодой артистки. И все же, отнюдь не теряя свою индивидуальность, в последнее время Э. Вирсаладзе довольно решительно обогащает ее, обращается к новым темам, характерам, выразительным средствам. В звуковой гамме наряду с кантиленностью, мягкой закругленностью интонаций, появились и более резкие цвета, в ее мировосприятии удивляет острый интерес к характерному, стремление к художественным преувеличениям.

Новую Э. Вирсаладзе я более всего ощутил в исполнении 15-й прелюдии и фуги Дм. Шостаковича. Уже в прелюдии настораживает нарочитая обыденность танцевального начала, колючая ирония. Фуге же пианистка придала характер дьявольского наваждения. Словно с силой врывался каждый из голосов, растворяясь в дикой свистопляске. Мефистофельский смех не мог заглушить стона, исторгнутого из груди растерзанного человека.

Исполнение фуг и прелюдий Баха и Шостаковича обрамляло первое отделение. И удивительно: одно из самых романтических по своей глубокой печали и песенной интонации произведение Баха оставило некоторое чувство неудовлетворенности: ему не хватало песенной широты, не было и того сплетения противоречивых чувств, без которых немыслимо искусство Баха. В Шостаковиче же пленили романтическая экспрессия, живописность характера, темперамент пианистки, необычайно ярко раскрывшей замысел автора. Порой мне кажется, что эта девушка именно в музыке познает жизнь во всей ее красе и величии. Большое счастье взглянуть на мир глазами Моцарта, Бетховена... Прокофьева, Шостаковича.

Но еще большее счастье обрести свое художественное видение, привнести в музыку правду, открытую в собственном жизненном опыте.

Пожелаем Элисо Вирсаладзе творческого беспокойства и исканий, и тогда она подарит нам еще более совершенное и глубокое искусство. Я верю в такое будущее юной пианистки — ведь так прекрасна ее весна.

Гиви ОРДЖОНИКИДЗЕ.